

С. Н. Богатырев

ШАПКА МОНОМАХА И ШЛЕМ НАСЛЕДНИКА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ И ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРИ ВАСИЛИИ III И ИВАНЕ ГРОЗНОМ*

В первой половине XVI в. формировалась идейная концепция династической власти московского государя. В современной литературе о западных и восточных монархиях XVI–XVII вв. особое внимание уделяется визуальной репрезентации власти. При этом визуальные образы династии (регалии, портреты монархов, построенные на средства правителя дворцы и храмы) рассматриваются не только как внешние символы власти, но и как своеобразная форма династической политики, наряду с такими привычными формами политической деятельности, как использование военной силы, дипломатия, отправление правосудия и административное управление. В визуальных образах династии нередко воплощались богатство, военная мощь и международный престиж монархии, а также идеи о ее сакральном происхождении. В то же время династические регалии и изображения могли отражать и слабые стороны монаршей власти, связанные с непрочным положением правителя на престоле, неуверенностью в легитимности своей власти и отсутствием четкого механизма наследования¹.

В данной работе история самого известного символа московской династии и российской монархии, Шапки Мономаха, рассматривается в контексте династической политики Василия III (1505–1533 гг.) и его сына Ивана IV Грозного (1533–1584 гг.). Обычно Шапка Мономаха изучается с точки зрения ее технико-стилистических

* Выражаю признательность А. И. Филюшкину, С. П. Орленко и А. С. Усачеву за возможность ознакомиться с труднодоступными публикациями, а также Дональду Островскому за комментарии к моей работе.

¹ *Sharpe K. Selling the Tudor Monarchy. Authority and Image in Sixteenth-Century England.* New Haven, London, 2009; *Grundberg M. Ceremoniernas makt: Maktöverföring och genus i Vasatidens kungliga ceremonier.* Lund, 2005; *Canby S. Shah 'Abbas. The Remaking of Iran.* London, 2009.

особенностей в сопоставлении с памятниками византийского и восточного искусства. Не отрицая важности таких сравнительных исследований, настоящая статья рассматривает историю шапки в комплексе с парадными шлемами наследников, созданными при Василии III и Иване Грозном. Шлемы наследников получили в литературе гораздо меньше внимания, чем Шапка Мономаха. В то же время, наряду с шапкой, они являются древнейшими сохранившимися головными уборами московской династии. На основе критического анализа известных и новых источников, Шапка Мономаха и шлемы наследников рассматриваются в данной работе как средства репрезентации власти и выражения династической политики. Комплексный анализ как сохранившихся, так и утраченных головных уборов московской династии открывает новые перспективы в изучении истории создания и использования Шапки Мономаха.

Легенда о Шапке Мономаха и династическая политика

Отец Василия III, Иван III (1462–1505 гг.), долго колебался в вопросе, кому завещать престол. В 1498 г. Иван III официально венчал на великое княжение своего внука Дмитрия по линии первой жены Марии Тверской. В ритуале венчания использовался некий парадный головной убор, который самые ранние описания венчания Дмитрия называют просто «шапкой» (пространная редакция чина венчания, вскоре после 1498 г.)². Впоследствии Иван III переменял свое мнение и сделал наследником Василия, сына от второй жены Софии Палеолог. Василий унаследовал престол в 1505 г., а Дмитрий-внук оказался в тюрьме, где и умер в 1509 г. О процедуре венчания Василия на престол ничего неизвестно. Императорский посол Сигизмунд Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг., прямо заявляет, что при жизни Дмитрия Василий «выдавал себя только за правителя (Gubernator), по смерти же его завладел княжеской властью, не будучи, однако, венчанным»³.

Рис 1. Шапка Мономаха. Фото автора.

Отсутствие венчания создавало потенциальную угрозу легитимности власти Василия III. Династическое положение Василия осложнялось и тем, что в его семье долго не появлялось наследника. Кроме того, папский престол оказывал давление на московский двор с целью склонить Василия к принятию короны от Папы⁴. С учетом всех

² О редакциях чина венчания Дмитрия-внука см.: РФА. М., 1987. Вып. 3. С. 604–607.

³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 66. — О соперничестве между Василием и Дмитрием см. также: *Филошкин А. И.* Василий III. М., 2010. С. 25–37.

⁴ См.: *Гольдберг А. Л.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 209.

указанных обстоятельств, становится очевидным, что Василию требовалось убедительное обоснование своего права на московский престол, а также права передать власть по наследству.

В этом смысле представляется неслучайным, что именно в правление Василия III в области династической культуры происходят важные изменения. Прежде всего, это переосмысление истории великокняжеских регалий в контексте легенды о получении киевским князем Владимиром Мономахом (1113–1125 гг.) регалий от византийского императора⁵.

В соответствии с легендой начался пересмотр истории венчания Дмитрия, хотя этот процесс занял довольно длительное время. С одной стороны, при Василии III продолжала циркулировать старая версия истории венчания Дмитрия, в которой о Мономахе ничего не говорится. В частности, в 1509–1518 гг. возникла формулярная редакция чина венчания, где шапка не называется Мономаховой. Один из списков этой редакции происходит из архива новгородской архиепископии. В то же время в правление Василия III возникла новая интерпретация венчания Дмитрия-внука, в которой шапка стала называться «Шапкой Мономаха» (летописная редакция чина венчания, около 1518 г., и возможно, чудовская редакция, 1510-е – начало 1540-х гг.).

Вероятно, за разными вариантами истории венчания 1498 г. стояли разные придворные и церковные группировки. Создатели формулярной редакции, связанные, по всей видимости, с новгородской архиепископской кафедрой, продолжали отстаивать «историческую» версию венчания, которая игнорировала легенду о Мономаховых дарах⁶. С другой стороны, сторонники Василия, контролировавшие официальное летописание, а также близкие ко двору монахи кремлевского Чудового монастыря продвигали версию происхождения шапки от Мономаха.

Разные версии рассказа о венчании Дмитрия-внука отразились и в сочинении Герберштейна. Императорский посол общался в Москве с официальными лицами, представлявшими Василия III, а также, судя по неллицеприятному для Василия рассказу о его пути к престолу, со сторонниками покойного Дмитрия-внука. Поэтому сведения Герберштейна о венчании 1498 г. носят противоречивый характер. С одной стороны, он сообщает, что Владимир Мономах «оставил после себя некоторые инсигнии, которые и поныне еще употребляются при коронации государей», в т. ч. шапку, которой венчался Дмитрий-внук⁷. Все эти сведения, несомненно, восходят к официальной версии истории шапки, распространяемой «идеологами» Василия III. С другой стороны, посол приводит в своем сочинении перевод чина венчания Дмитрия, основанный на формулярной редакции, где о связи шапки с Мономахом ничего не говорится. Замечание Герберштейна, что ему с трудом удалось раздо-

---

⁵ Современные взгляды на историю литературных произведений, связанных с легендой о Мономаховых дарах, см. в кн. *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции, XV–XVI вв. М., 1998. С. 127–132; *Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols. Cross-Cultural Contacts on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998. P. 171–173.

⁶ Ср. *Синицына Н. В.* Третий Рим. С. 125–127.

⁷ *Герберштейн С.* Записки. С. 64, 82

быть этот чин венчания, позволяет предположить, что формулярная редакция не имела официального одобрения или, во всяком случае, не пропагандировалась властями.

К числу произведений «Мономахова цикла» относится и «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы. Вопрос об идентификации автора и о точной дате послания остается дискуссионным. Однако несомненно, что дошедший до нас текст «Послания» был создан в правление Василия III. «Послание» подчеркивает, что начиная с Владимира Мономаха все владимирские князья венчались шапкой, полученной в дар от греческого царя Константина Мономаха. Хотя «Послание» не говорит напрямую о венчании Василия III, его имя упоминается в непосредственной связи с владимирскими князьями, венчавшимися Шапкой Мономаха (подробнее см. ниже)⁸.

Таким образом, при Василии III появился целый ряд произведений, утверждавших, что владимирские князья, в том числе Дмитрий-внук и Василий III, обладали Шапкой Мономаха, которая символически связывала их династию с Киевом и Византией. Идея династической преемственности, выражавшаяся в непрерывной традиции венчания Шапкой Мономаха, окончательно оформилась при Иване Грозном. Создатели чина венчания Ивана Грозного на царство в январе 1547 г. восприняли вариант истории шапки, созданный при его отце Василии III. Самое раннее описание венчания Ивана Грозного сообщает, что в церемонии использовалась шапка («венец») Владимира Мономаха (летописная редакция чина венчания Ивана Грозного)⁹.

Следующим этапом в оформлении официальной истории парадного головного убора Ивана Грозного стало создание барельефов царского места в Успенском соборе 1551 г., посвященных легенде о Мономаховых дарах. В подписях к барельефам воспроизведены слова «Сказания о князьях Владимирских» о том, что великие князья владимирские доньше венчаются шапкой (венцом) Мономаха¹⁰.

«Изобретение» Шапки Мономаха завершилось созданием формулярной редакции чина венчания Ивана Грозного. Эта редакция представляет собой своеобразное руководство по организации будущего венчания сына Ивана Грозного, царевича

⁸ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 165; Герберштейн С. Записки. С. 299–300, прим. 157; Ситицына Н. В. Третий Рим. С. 198. Ср.: Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 150; Ульяновский В. И. Первая концепция происхождения княжеской власти и ее символов на Руси: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы // «В кратких словесах многой разум замыкающее...»: Сборник научных трудов в честь 75-летия проф. Руслана Григорьевича Скрынникова. Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2008. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. II). С. 65–105; Алексеев А. И. «Спиридон рекомый, Савва глаголемый»: Заметки о сочинениях киевского митрополита Спиридона // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16. Тема наследия Мономаха развивается и в другом произведении, «Сказание о князьях владимирских». Вопрос о его текстуальной истории и соотношении с «Посланием» требует дальнейшего изучения.

⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 150. О взаимоотношении различных редакций чина венчания Ивана Грозного см.: Щапов Я. Н. К изучению «Чина венчания на царство Ивана IV» // Римско-константинопольское наследие на Руси. Идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 224; Богданов А. П. Чины венчания российских царей // Культура Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 217; Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998. С. 109–113.

¹⁰ Соколова И. М. 1) Мономахов трон. М., 2001. С. 64; 2) Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков: Каталог. М., 2003. С. 29.

Ивана Ивановича. Согласно формулярной редакции, во время венчания на царство Иван Грозный или царевич Иван Иванович получали царский венец, который, наряду с другими регалиями, был прислан императором Константином Мономахом «на поставление великим князем руским»¹¹. Тем самым закреплялась вымышленная традиция непрерывного венчания русских князей Шапкой Мономаха. Формулярная редакция чина венчания Ивана Грозного, которая датируется 1557–1560 гг. (с более поздними добавлениями), появилась под влиянием контактов с константинопольским патриархом и шведским двором. В ходе этих контактов царский двор особо подчеркивал древность московской династии и ее родство с византийскими императорами и киевскими князьями¹².

Ранние сведения о внешнем виде Шапки Мономаха

При Василии III легенда о Шапке Мономаха получила и материальное «подтверждение». В казне Василия III хранился головной убор, выдававшийся за шапку Владимира Мономаха. Этот головной убор видел Герберштейн, который оставил нам самое раннее описание Шапки Мономаха, хотя он не сообщает, видел ли он ее во время первого визита в Москву в 1517 г. или во время второго визита в 1526 г.¹³:

Латинское издание (Базель, 1556)

Pileus ipsorum lingua Schapka
dictus, quo Vuolodimerus Monomach
usus est, & quem gemmis
ornatum, aureis item laminis, quasi
quibusdam spirulis subinde sese
vibrantibus, mire concinnatum reliquit.

Немецкое издание (Вена, 1557)

Den Hüet den sy SСHAPKA
nennen / den der Wolodimer gebraucht
hat / mit Edlem gestain unnd
gulden plechlen an gulden dratn
hangund hin unnd wider sich bewegund / artlichen
berait /

М. Е. Бычкова и Н. В. Жилина полагают, что головной убор, описанный Герберштейном, фактически был не Шапкой Мономаха, хранящейся сейчас в Оружейной палате Московского Кремля (рис. 1), а какой-то другой шапкой, не сохранившейся до нашего времени¹⁴. Тем не менее, Н. В. Жилина предприняла попытку реконструировать Шапку Мономаха времен Василия III на основе показаний Герберштейна.

¹¹ L'idea di Roma a Mosca secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale russo. Roma, 1989. P. 83, 91.

¹² См. *Богатырев С. Н.* Царская власть в 1550-е гг. Преемственность или новации? // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV–первой трети XVIII в. Тезисы докладов международной научной конференции. М., 2006. С. 17–20; *Bogatyrev S.* 1) Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // SEER. 2007. Vol. 85. No. 2. P. 271–293; 2) Ivan the Terrible Discovers the West. The Cultural Transformation of Autocracy during the Early Northern Wars // Russian History/Histoire Russe. 2007. Vol. 34. Nr. 1–4. P. 161–188.

¹³ «Шляпа на их языке называется scharpka; ее носил Владимир Мономах и оставил ее, украшенную драгоценными камнями и нарядно убранный золотыми бляшками, которые колыхались, извиваясь змейками (будучи подвешены на золотых проволочках)». В скобках — дополнение немецкого издания 1557 г. (*Herberstein Sigismund von.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand Basel 1556 und Wien 1557. Unter der Leitung von Frank Kämpfer erstellt von Eva Maurer und Andreas Fülberth. München, 2007. S. 93; *Герберштейн С.* Записки. С. 82, 83).

¹⁴ *Бычкова М. Е.* Московские самодержцы: История возведения на престол. Обряды и регалии. М., 1995. С. 42; *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха: Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001. С. 175, 182.

Поэтому в реконструкции Н.В. Жилиной появились ленты из тонкого металла, торчащие из шапки наподобие серпантина¹⁵. На самом деле латинский текст Герберштейна, где упоминаются «змейки», дает очень приблизительное описание подвесных украшений. Сам же Герберштейн уточнил это место в немецком варианте своего сочинения. Герберштейн очевидно подразумевал здесь подвески («катасисты» или «препендулии»), свисавшие с нижнего обода головного убора.

И. А. Бобровницкая совершенно справедливо связывает упоминаемые Герберштейном подвесные украшения с византийской традицией. Такие подвесные украшения действительно типичны для византийских императорских головных уборов начиная с XI века¹⁶. Наличие подвесок должно было подчеркивать «византийское» происхождение Шапки Мономаха, показанной Герберштейну. Находящаяся ныне в Оружейной палате Шапка Мономаха не имеет никаких подвесных украшений. Однако по нижним краям ее золотых пластин проделаны многочисленные отверстия, часть которых ранее могла использоваться для крепления подвесок¹⁷. Как и шапка, виденная Герберштейном, шапка Оружейной палаты украшена драгоценными камнями. Таким образом, Герберштейн, скорее всего, видел в Москве именно Шапку Мономаха, хранящуюся сейчас в Оружейной палате.

Эта же шапка использовалась Иваном Грозным, что подтверждается одним малоизвестным источником. Речь идет о головном уборе, изображенном на скульптурном портрете в декоре орудия «Ревельский лев» (Рис. 2). Указанное орудие было изготовлено по заказу города Ревеля (Таллина) в 1559 г. В 1800 г. оно было вывезено из Ревеля в Санкт-Петербург, где и хранится в настоящее время в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи. Орудие отлито Карстеном Миддельдорпом, пушечным и колокольным мастером из Любека. Профессиональная деятельность Миддельдорпа приходится на период с 1543 по 1560 гг., он умер до пасхи 1561 г. Имеются сведения о его изделиях в Германии (Любек, Хайлигенхафен), Дании и Латвии (Елгава/Митава)¹⁸.

¹⁵ Жилина Н. В. Шапка Мономаха. С. 174. Реконструкция: Там же. С. 176. Рис. 86.1. Г. Ф. Валеева-Сулейманова считает, что раньше вместо креста из шапки торчали перья, как в женских головных уборах тюркских народов. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны русских царей – памятник татарской культуры // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. Под ред. Б. Гаспарова и др. М., 1997. С. 45 (sic, без предлога перед «взглядом»). Оба предположения о торчащих элементах шапки представляются надуманными.

¹⁶ Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха: К проблеме происхождения формы // Филимоновские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 81; Parani M. Reconstructing the Reality of Images: Byzantine Material Culture and Religious Iconography, 11th–15th Centuries. Leiden, Boston, 2003. P. 27–30.

¹⁷ См. описание конструкции шапки в Жилина Н. В. Шапка Мономаха. С. 102–129. Об отверстиях см. также Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 69–70. М. Г. Крамаровский отвергает свидетельство Герберштейна о подвесках, но никак не объясняет свой скептицизм. Крамаровский М. «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Л., 1982. Т. 47. С. 67. Г. Ф. Валеева-Сулейманова видит в сообщении Герберштейна о подвесках доказательство происхождения шапки от женского головного убора татарской работы. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны. С. 45. Ни М. Г. Крамаровский, ни Г. Ф. Валеева-Сулейманова не учитывают тот факт, что ко времени Герберштейна шапка уже представлялась как наследие Мономаха, и вполне могла быть оформлена в соответствии с традицией византийских головных уборов, имевших подвески.

¹⁸ Warncke. Middeldorp, Karsten // Thieme, Ulrich und Becker, Felix. Hrsg. Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 24. Leipzig, 1930. S. 535; Beseler H. Kunst-Topographie Schleswig-Holstein. Neumünster, 1969. S. 159. Герб Миддельдорпа, надгробная плита с эпитафией, а также библиография печатных изданий и список интернет-ресурсов о нем приводятся в: http://de.wikipedia.org/wiki/Karsten_Middeldorp (последнее посещение — 16 февраля 2011 г.).

Винград (прилив на конце казенной части ствола) револьверского орудия выполнен в виде скульптурного портрета Ивана Грозного в Шапке Мономаха¹⁹. Далее в данной работе револьверское изображение Ивана Грозного условно атрибутируется Миддельдорпу, хотя возможно, что для работы над портретом был приглашен другой мастер-скульптор (такая практика была распространена среди немецких пушечников).

В историческом смысле наиболее ценная часть портрета — головной убор Ивана Грозного. Важность этого изображения как исторического источника очевидна в сравнении с фантастическими изображениями головного убора русского государя в виде короны с лучами, иногда надетой на шапку с меховым околом (гравюры немецких мастеров Эрхарда Шона и Ханса Вейгеля и миниатюры Лицевого летописного свода, созданные под влиянием западных гравюр)²⁰. Некоторые исследователи относятся к подобным изображениям «короны» русских князей с большим доверием и даже используют их для изучения эволюции русских регалий²¹. На самом деле у нас нет никаких надежных свидетельств, что парадная шапка московских князей имела какие-либо зубцы, подобные лучам западноевропейских

Рис. 2. Изображение Ивана Грозного в Шапке Мономаха на орудии «Ревельский лев» (мастер Карстен Миддельдорп из Любека, 1559 г.). Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, С.-Петербург. Фото автора

¹⁹ Подробнее о стволе и об идентификации изображения на нем см. *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. Приложение. СПб. 1889. Ч. III. № 87. С. 64–65; Таб. I; *Антинг Л.* Таллинские оружейники и огнестрельное оружие XIV–XVI веков. Таллин, 1967. С. 37; *Крылов В. М. и др.* Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. История и коллекция. СПб., 2004. С. 4. (оборот титульного листа); *Богатырев С. Н.* Лестница в небо. Символика власти Ивана Грозного // *Родина*. 2004. № 12. С. 9, 12; *Bogatyrev S.* Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns // *SEER*. 2010. Vol. 88. Nos. 1–2. P. 48–61; *Шмелев К. В.* Об изображении «москвиты» на револьверской пушке эпохи Ливонской войны // <http://www.nwae.spb.ru/?0-600> (последнее посещение — 16 февраля 2011 г.).

²⁰ *Герберштейн С.* Записки. С. 214, 373–374; Россия и Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений / Сост. С. П. Орленко. М., 2003. С. 35. Шапка Ивана III с тульей из меховых клиньев изображена на гравюре из «Космографии» Андре Теве 1575 г. Этот головной убор так же фантастичен, как и короны московских князей на немецких гравюрах. Достаточно отметить, что представленная на гравюре шапка Ивана сделана из горностая, а сам он одет в звериную шкуру, очевидно медвежью. Изображение Ивана III в «Космографии» Теве — это причудливая смесь стереотипных западных представлений о западных же символах королевской власти (горностай) и о «варварстве» москвитов.

²¹ *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 146, 147, 158; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002. С. 428, прим. 231 (комментарий А. Л. Хорошкевич). Описывая головной убор Ивана Грозного как золотую корону, надетую на шапку, Ульфельдт очевидно подразумевал Шапку Мономаха или Казанскую шапку. Золотые пластины этих головных уборов могли восприниматься как короны, одетые на шапки с меховым околом.

корон²². Заметим, что подобный комбинированный головной убор, состоящий из шапки и короны, иногда встречается и на изображениях Чингиз-хана, но такой убор, по меткому определению М. Г. Крамаровского, является вымышленным символом «воображаемой царственности»²³. Подобное определение, несомненно, относится и к изображениям лучевой короны русских государей. В отличие от фантастической короны с лучами, изображение Шапки Мономаха на револьском орудии выполнено очень реалистично²⁴.

Форма головного убора на револьском портрете полностью совпадает с формой Шапки Мономаха на упомянутых выше рельефных панелях царского места в Успенском соборе Московского Кремля 1551 г.²⁵ Однако рельефы царского места очень условны и дают самое общее представление о внешнем виде шапки. В то же время, на портрете Миддельдорпа конструктивные особенности Шапки Мономаха переданы настолько точно, насколько позволяет технология литья пушечного ствола.

Шапка Мономаха и золотая шапка великокняжеской казны

Портрет Миддельдорпа позволяет утверждать, что к концу 1550-х гг. Шапка Мономаха в целом приобрела тот вид, который мы можем наблюдать сейчас (небольшие отличия в дизайне, очевидно, отражают особенности художественного изображения). Но когда Шапка Мономаха приобрела такой вид? Начиная по крайней мере с Ивана Калиты (1325–1340 гг.), в династии московских князей существовало некоторое подобие наследственного головного убора. Великокняжеские завещания регулярно упоминают некую «золотую шапку». В перечне наследуемого имущества она занимала далеко не первое место. Однако вплоть до княжения Ивана III золотая шапка всегда доставалась старшему сыну великого князя. Кроме того, как уже отмечалось, какая-то шапка использовалась в 1498 г. во время венчания на великое княжение Дмитрия-внука.

Принято считать, что золотая шапка великокняжеской казны, шапка Дмитрия и шапка Оружейной палаты представляют собой один и тот же головной убор²⁶. Логично предположить, что при венчании 1498 г. Иван III действительно исполь-

---

²² Слабовыраженные зубчатые элементы впервые появляются на так называемой «Казанской шапке» Ивана Грозного. История этого головного убора требует дальнейшего изучения. См. *Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Короны. С. 48–49; *Лаврентьев А. В.* Царевич-царь-цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали, 1604–1606. СПб., 2001. С. 182; *Бобровницкая И. А.* Регалии российских государей. М., 2004. С. 34–35; *Бобровницкая И. А.* Шапка Мономаха. С. 76; *Лаврентьев А. В.* Казанская шапка и казанские цари // *Анфологион. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори* / Под ред. Г. Г. Литаврина (Славяне и их соседи. Вып. 12). М., 2008. С. 99–117.

²³ *Крамаровский М. Г.* Джучиды: воинские шапки и бокка // *Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990)*. СПб., 2001. С. 36; *Gray B.* An Unknown Fragment of the “Jāmi’ al-tawārīkh” in the Asiatic Society of Bengal // *Ars Orientalis*. 1954. Vol. 1. Plate 6.

²⁴ Подробный сравнительный анализ головного убора, изображенного на револьском орудии, см.: *Vogatyrev S.* Bronze Tsars. P. 58–59.

²⁵ См.: *Соколова И. М.* Мономахов трон; *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 191–194; *Соколова И. М.* Русская деревянная скульптура. С. 42–47.

²⁶ *Спицын А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке // *Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества*. СПб., 1906. Т. 8. Вып. 1. С. 151; *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 175, 182; *Бобровницкая И. А.* Шапка Мономаха. С. 83. Прим. 10.

зовал традиционные регалии московской династии, которые издавна находились в великокняжеской казне, в том числе и золотую шапку, унаследованную самим Иваном III от своего отца Василия II²⁷. В то же время предположение о том, что Дмитрий венчался шапкой, которая позже стала известна как Шапка Мономаха и сейчас хранится в Оружейной палате, вызывает серьезные сомнения.

Письменные источники, утверждающие, что Дмитрий венчался Шапкой Мономаха, как показано выше, позднего происхождения и потому не заслуживают доверия. Изобразительные источники также ненадежны. Так, предполагается, что шапка Дмитрия изображена на пелене из собрания П. И. Щукина (ГИМ), якобы представляющей собой своеобразный «коронационный портрет» семьи Ивана III²⁸. Следует заметить, что идентификация изображений на пелене основана на косвенных признаках, т.к. на самой пелене никаких идентифицирующих надписей нет. Более того, даже если принять предлагаемую идентификацию, изображенный на пелене головной убор Дмитрия имеет форму митры и очень далек от шапки Оружейной палаты.

Поэтому Н. В. Жилина предлагает еще одну гипотезу: шапка Оружейной палаты изначально выглядела как митра, но позже утратила нижнюю часть и приобрела нынешнюю полусферическую форму²⁹. Подобные допущения представляются слишком большой натяжкой. И. А. Бобровницкая справедливо отмечает, что шапка Мономаха в целом изначально имела ту форму, которую мы можем наблюдать сейчас³⁰. Рассмотренные выше достоверные изображения Шапки Мономаха свидетельствуют, что нынешняя конусообразная форма шапки несомненно существовала в 1550-е гг.

Более того, у нас нет никаких данных о том, что Иван III вообще передал какую-либо шапку Василию III. Духовная грамота (завещание) Ивана III перечисляет самые ценные реликвии династии (кресты и одна икона), но никакая шапка среди них не называется³¹.

В литературе уже высказывалось мнение, что золотая шапка Ивана Калиты на самом деле не сохранилась. В частности, В. А. Кучкин отождествляет Шапку Мономаха с золотой шапкой, переданной Иваном Ивановичем II Красным (1353–1359 гг.) своему старшему сыну Дмитрию Донскому, но сомневается, была ли это та же самая золотая шапка, которая упоминается в завещании отца Ивана Красного Ивана Калиты³². Хотя В. А. Кучкин не объясняет причины своих сомнений, для них на самом

---

²⁷ ДДГ. С. 197.

²⁸ *Евсеева Л. М.* Шитая пелена 1498 г. и чин венчания на царство // Древнерусское искусство. Византия и Русь: К 100-летию Андрея Николаевича Грабаря, 1896–1990. СПб., 1999. С. 430–439; *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 189–191; Byzantium, 330–1453 / Ed. by R. Cormack and M. Vassilaki. London, 2008. No. 266. P. 314, 315, 448.

²⁹ *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 175, 182.

³⁰ Тулья Шапки Мономаха действительно очень низкая, но это не означает, что головной убор должен был обязательно иметь форму митры. По мнению И. А. Бобровницкой, шапка изначально могла иметь такую же матерчатую подкладку, как и «Шапка Мономаха второго наряда» (1682). Подкладка «Шапки Мономаха второго наряда» состоит из матерчатой шапки и широкого плотного обода. Матерчатая шапка повторяет форму золотой тульи, а широкий обод выступает из-под золотой тульи, увеличивая тем самым общую высоту головного убора. На выступающую часть обода надевается меховой окол. *Бобровницкая И. А.* Шапка Мономаха. С. 72.

³¹ ДДГ. С. 362, 363.

³² *Кучкин В. А.* Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 272–274.

деле есть серьезные основания. Как известно, первым наследником Ивана Калиты был его старший сын Симеон Гордый, а Иван Красный унаследовал престол только после смерти Симеона в 1353 г. В завещании Симеона Гордого о золотой казне говорится в самых общих словах: все золото и весь жемчуг Симеон передавал своей супруге Марии Александровне³³. Неизвестно, была ли среди золотой казны, унаследованной Марией, золотая шапка Ивана Калиты, и если была, что стало с этой шапкой в дальнейшем. Таким образом, мы не знаем, сколько вообще золотых шапок было в великокняжеской казне на протяжении XIV–XVI вв. Н. П. Кондаков верно указывал, что «название “золотой шапки” остается неопределенным»³⁴.

Осторожный подход В. А. Кучкина к вопросу о связи между Шапкой Мономаха и золотой шапкой (или шапками) великокняжеской казны представляется справедливым, но недостаточно последовательным. Если строго следовать показаниям духовных грамот, то надо признать, что ни Иван Красный, ни Василий III не получили золотую шапку своих предшественников.

По справедливому мнению А. Л. Хорошкевич, после венчания 1498 г. шапка в числе других регалий принадлежала Дмитрию-внуку. Поэтому она и не упоминается среди регалий, завещанных Иваном III Василию III³⁵. Таким образом, идентификация Шапки Мономаха из Оружейной палаты с золотой шапкой великокняжеской казны и с шапкой Дмитрия-внука не подтверждается надежными источниками.

Шапка Мономаха из Оружейной палаты обычно датируется концом XIII–XIV вв. на основе художественных особенностей ее древнейших компонентов — золотых пластин, покрытых сканью. Однако в литературе высказывалось обоснованное мнение, что пластины изначально предназначались для другого изделия. По мнению Н. П. Кондакова, это мог быть какой-нибудь золотой парадный шлем (подробнее об этой гипотезе ниже)³⁶. Другие элементы шапки (касты пластин и навершия, яблоко навершия, крест) датируются в литературе очень широко, от XIII до XVII вв.³⁷

Важно отметить, что с технологической точки зрения элементы шапки очень плохо стыкуются друг с другом. Так, золотые пластины грубо соединены между собой и с навершием проволокой. Форма их верхних концов предполагает навершие более сложной формы, чем нынешнее навершие. В верхних частях пластин имеются глубокие вырезы. Они образуют на вершине шапки отверстие звездчатой формы, которое могло закрываться утраченным ныне звездчатым навершием. То навершие, которое мы видим сейчас, представляет собой полусферу (яблоко), оно слишком велико и закрывает скань в верхней части пластин, т.е. закрывает те участки, которые должны бы быть на виду³⁸. При этом, судя по портрету Миддельдорпа, такая

---

³³ ДДГ. С. 14.

³⁴ Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1897. Вып. 5. С. 42.

³⁵ Герберштейн С. Записки. С. 303, прим. 186. О передаче династических регалий Дмитрию см. также Бычкова М. Е. Московские самодержцы. С. 36–37.

³⁶ Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности. Вып. 5. С. 43, 44.

³⁷ Обзор литературы см. в книге Н. В. Жилиной. По ее мнению, пластины и крест шапки относятся к XIII в., касты навершия появились на шапке при Иване III, а яблоко под кастами — в середине XVI в., но после 1547 г. (Жилина Н. В. Шапка Мономаха. С. 113, 143, 153).

³⁸ Звездчатая форма отверстия и соответственно форма предполагаемого звездчатого навершия представлена на фотографии в работе И. А. Бобровницкой (Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 60. Рис. 2).

конструкция навершия существовала очень давно, по крайней мере в 1550-е гг., а возможно и ранее. Составные части навершия (полусфера-яблоко, касты и крест) также технологически никак не подходят друг к другу³⁹.

Разные части шапки изначально имели разное функциональное назначение и явно были изготовлены в разное время. Таким образом, подобно многим другим династическим головным уборам, Шапка Мономаха представляет собой сложный составной памятник. В исследованиях парадных династических уборов, в частности так наз. «короны св. Стефана», символизирующей венгерскую государственность, принято четко разделять дату изготовления отдельных составных частей и дату их сборки в единый головной убор⁴⁰.

Однако применительно к Шапке Мономаха такое разделение проводится недостаточно последовательно. В то же время, совершенно очевидно, что выводы о возможной датировке и месте создания того или иного элемента шапки не могут служить основанием для суждений о датировке и месте создания всего головного убора в целом. Чтобы выяснить время появления шапки как целостного памятника, следует, на мой взгляд, сравнить ее с другими парадными головными уборами московской династии и определить историко-культурный контекст, в котором могла возникнуть Шапка Мономаха.

Происхождение золотых пластин Шапки Мономаха

Исследователи, датирующие Шапку Мономаха XIV в., обычно считают, что она появилась в Москве во времена Ивана Калиты, в завещании которого впервые упоминается золотая шапка. Н. В. Жилина полагает, что Иван Калита мог приобрести шапку в генуэзской колонии в Кафе. Многие специалисты связывают происхождение шапки с ханом Узбеком. Г. Ф. Валеева-Сулейманова считает, что Иван Калита получил шапку после смерти своего родного брата Юрия Даниловича, который был женат на сестре Узбека Кончаке (ей изначально и принадлежала шапка, которая фактически является женской тюбетейкой). По мнению Г. Д. Филимонова, шапка была прислана Ивану Калите ханом Узбеком, а тот, в свою очередь, получил ее от своего родственника египетского султана в 1317 г. (сама шапка была сделана в Каире в XIV в.). И. А. Бобровницкая также считает, что шапка поступила от Узбека, но отвергает идею о ее происхождении из Египта⁴¹.

---

³⁹ Жилина Н. В. Шапка Мономаха. С. 111. Нынешнее полусферическое навершие Шапки Мономаха обычно датируется XVI в. И. А. Бобровницкая относит его к XIV в., хотя она признает, что полусферические навершия среди археологических находок отсутствуют. Исследователь поэтому вынуждена обращаться за примерами к средневековым изображениям полусферических наверший для чалмы. Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 79. Однако сохранившиеся средневековые навершия для чалмы обычно изготовлены не из металла, а из плотной ткани, иногда с использованием золотой нити. Навершия для чалмы, как правило, действительно имеют полусферическое окончание, которое и видно на миниатюрах, но в целом их форма сильно вытянута в длину и очень далека от формы навершия Шапки Мономаха (Turks. A Journey of a Thousand Years / Ed. by D. J. Roxburgh. London, 2005. Nos. 264–266. P. 306, 444).

⁴⁰ László P. The Holy Crown of Hungary, Visible and Invisible // SEER. 2003. Vol. 81. No. 3. P. 424, 425. После второй мировой войны корона св. Стефана хранилась в США, в 1978 г. она была возвращена в Венгрию, с 2000 г. хранится в венгерском Парламенте.

⁴¹ Филимонов Ю. Д. [Г. Д.]. О времени и происхождении Мономаховой шапки // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1898. Кн. 2. Протоколы. С. 61, 62; Валеева-Сулейманова Г. Ф. Короны. С. 42, 47; Жилина Н. В. Шапка. С. 172–173; Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 85. Прим. 78.

Подобные объяснения можно принять только в том случае, если считать Шапку Мономаха и золотую шапку великокняжеских завещаний одним и тем же головным убором. Но для такой идентификации, как отмечено выше, нет достаточных оснований. Чтобы установить источник происхождения золотых пластин шапки, следует вернуться к уже упоминавшейся гипотезе Н. П. Кондакова, что пластины изначально находились в составе некоего парадного шлема⁴².

Предположение Н. П. Кондакова разделяет и И. А. Бобровницкая, которая возводит Шапку Мономаха к светским или, с меньшей долей вероятности, военным головным уборам Чингизидов, точнее Джучидов, улус которых известен в литературе как Золотая Орда. Датировка и атрибуция ранних монгольских археологических шлемов часто ненадежна, хотя в последнее время у исследователей появились более твердые данные благодаря находкам украинских археологов захоронений со шлемами и датировемыми монетами. Поэтому специалисты, изучающие монгольские шлемы, часто обращаются к книжным миниатюрам⁴³. Однако использование этого источника имеет свои сложности. Согласно И. А. Бобровницкой, у нас нет изображений шлемов Джучидов до середины XIV в. Для их реконструкции исследователь предлагает использовать обширную иконографию культурных преемников Джучидов, правителей династии Тимуридов⁴⁴.

Основатель династии Тимур, действительно, нередко изображался в золотом шлеме. В то же время подобная иконография была частью сложного символического языка тимуридских миниатюр. Используя кодифицированную и строго контролируемую систему знаков, тимуридские мастера создавали в массовом порядке миниатюры, отражавшие идеализированные представления культурной элиты. Тимуридские миниатюры представляют собой «стилизованную пантомиму», в которой фигуры людей расположены в строгом порядке подобно шахматным фигурам⁴⁵.

Условный характер тимуридской иконографии ясно виден при сравнении двух миниатюр, изображающих один и тот же сюжет, битву между Тимуром и Тохтамышем, который принадлежал к клану Джучидов. На миниатюре из альбома собрания музея Топкапы (Н 2153, Герат?, ок. 1420–1440 гг.) воины Тохтамыша показаны в типичных монгольских войлочных колпаках с опущенными косыми отворотами⁴⁶. В то же время, армия Тимура облачена в стальные шлемы с небольшими наушниками. Разные типы головных уборов четко обозначают противоборствующие стороны и подчеркивают превосходство войска эмира.

---

⁴² Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности. Вып. 5. С. 43, 44.

⁴³ Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 163–208.

⁴⁴ Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 74–77. В результате завоеваний Тимура его династия унаследовала культурные традиции различных ветвей потомства Чингиз-хана: Джучидов, Хулагуидов, чей улус простирался от современной Турции через Иран и Афганистан вплоть до западного Пакистана, и Чагатаев, потомков второго сына Чингиз-хана, владевших Самаркандом, будущей столицей эмирата Тимура. О культурной и династической политике Тимура см.: Manz B. F. Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty // Iranian Studies. 1988. Vol. 21. No. 1/2. P. 105–122.

⁴⁵ Lentz T., Lowry G. Timur and the Princely Vision: Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Los Angeles, 1989. P. 32–34, 114, 128, 131, 132; Lentz T. Dynastic Imagery in Early Timurid Wall Painting // Muqarnas. Essays in Honor of Oleg Grabar. 1993. Vol. 10. P. 254.

⁴⁶ Turks. No. 148. P. 204–205, 413–414. Cp.: Ibid. Nos. 169, 171.

Свою символику также имеют головные уборы военачальников обеих армий. Хотя изображение Тохтамыша было намерено испорчено, можно видеть, что его убор сильно отличается от монгольских колпаков: он раскрашен золотой краской и имеет форму шлема со смещенным назад навершием, что является, согласно М. В. Горелику, типичным признаком шлемов монгольской знати. На голове Тимура такой же шлем, как у его воинов, но с орнаментом на наголовье. Как и шлем Тохтамыша, шлем Тимура раскрашен золотом. Цветовая символика и форма головных уборов обоих правителей в данном случае обозначает их высокий статус по сравнению с другими воинами.

Однако символика головных уборов могла меняться в зависимости от художественных задач. Так, на миниатюре из «Зафарнама» (Шираз, 1436 г.) Тимур, изображенный в позе победителя, по-прежнему облачен в золотой шлем⁴⁷. Однако его соперник Тохтамыш, сложивший руки при виде поражения своих воинов, на сей раз имеет на голове обычный шлем, который ничем не отличается от шлемов сражающихся вокруг него монгольских и тимуридских воинов. В данном случае символика головных уборов подчеркивает триумф Тимура над своим противником.

Несмотря на обилие мелких деталей, династическая иконография Тимуридов представляет собой условные, стилизованные изображения. Тимуридские миниатюры в некоторой степени подтверждают использование монголо-тюркскими правителями парадных шлемов. В то же время, тимуридские династические изображения не дают ответа на очень важный вопрос о соотношении Шапки Мономаха и предшествовавшего ей шлема: где и при каких обстоятельствах шлем был переделан в Шапку Мономаха?

Высокий художественный уровень исполнения пластин шапки показывает, что шлем, из которого они происходят, был незаурядным произведением, созданным в каком-то развитом центре ювелирного искусства. Маловероятно, что искусные мастера-создатели шлема переделали бы его в Шапку Мономаха столь грубым образом. Очевидно, что переделка произошла не там, где был создан шлем, а в том месте, где имела острая потребность в создании династического убора в виде Шапки Мономаха.

Заказчик Шапки Мономаха несомненно занимал очень высокое положение, раз он мог позволить себе приобрести золотой шлем и решительно переделать его в соответствии со своими требованиями. В то же время, мастера заказчика, создавшие шапку, явно уступали по своему профессиональному уровню создателям шлема. Самым естественным кандидатом на роль такого властного заказчика является московский князь. Роскошный шлем, послуживший источником деталей для Шапки Мономаха, несомненно, был очень редким изделием даже для богатой великокняжеской казны. В поисках подобного шлема следует обратиться к подробным спискам великокняжеской казны, сохранившимся в завещаниях московских князей.

Шапка Мономаха и золотой доспех великокняжеской казны

Духовные грамоты московских князей зафиксировали только два шлема, материал и декор которых близок к пластинам Шапки Мономаха. Оба шлема упоминаются в духовных грамотах Ивана Красного, составленных, согласно В. А. Кучкину,

---

⁴⁷ Lentz T., Lowry G. Timur. No. 3. P. 26, 328.

в 1359 г. Иван Красный завещал два золотых шлема-шишака («чечака»), украшенных драгоценными камнями и жемчугом, своим сыновьям – наследнику Дмитрию (будущему Донскому) и его брату Ивану⁴⁸. Правление Ивана Красного было отмечено ослаблением престижа московской династии⁴⁹. Как и в случае с Василием III, Иван Красный передавал престол малолетнему наследнику. В условиях династической нестабильности парадные шлемы, оставленные Иваном Красным своим детям, служили символом преемственности власти в его семье.

В. А. Кучкин справедливо указывает, что наиболее почитаемые династические реликвии происходили именно из казны Ивана Красного, а не из казны Ивана Калиты, как обычно считается в историографии⁵⁰. Учитывая уникальный характер заказанных Иваном Красным шлемов, есть серьезные основания полагать, что для Шапки Мономаха использовались пластины из шлема-шишака Дмитрия Донского. В пользу данного предположения говорит общий материал и декор шлема и шапки. Как и пластины Шапки Мономаха, шлем Дмитрия Донского был изготовлен из золота и украшен камнями и жемчугом⁵¹. Заметим, что о наличии камней и жемчуга на золотой шапке из великокняжеской казны духовные грамоты ничего не говорят. Нет подобных украшений и на головном уборе, изображенном на пелене из собрания П. И. Щукина. Общепринятая датировка пластин Шапки Мономаха (конец XIII–XIV вв.) не противоречит предположению об их происхождении из указанного шлема. Наконец, тип шлема Дмитрия Донского (шишак) полностью соответствует типу шлема, из которого, судя по конструкции Шапки Мономаха, происходят ее пластины⁵².

Золотые шлемы могли появиться в казне Иване Красного двумя путями. Великий князь мог приобрести для своих детей готовые шлемы. В этом случае золотые пластины шлема Дмитрия Донского, сохранившиеся в Шапке Мономаха, могут широко датироваться на основе их орнамента и техники скани концом XIII – серединой XIV в. (до составления завещаний Ивана Красного в 1359 г.).

Однако, учитывая идентичный материал и декор обоих шлемов, более вероятно, что великий князь специально заказал для детей новые головные уборы. Тот факт, что некоторые пластины были незакончены (на них есть намеченные, но не пробитые отверстия) также может свидетельствовать о спешке при работе на заказ великого князя или о том, что работа не была закончена из-за смерти заказчика. Тогда самая

---

⁴⁸ Согласно духовным грамотам Ивана Красного, каждый из братьев получал «чечак золот с камнемъ с женчуги» (ДДГ. С. 16, 18).

⁴⁹ Martin J. Medieval Russia, 980–1584. Cambridge, 1995. P. 190, 192, 196, 197, 200, 201.

⁵⁰ К числу таких реликвий в первую очередь относится крест с иконой работы мастера Парамши (Кучкин В. А. Духовные грамоты. С. 238–242 (датировка духовных грамот), 268, 270).

⁵¹ Камни на золотых пластинах с течением времени менялись, но общая концепция украшения пластин драгоценными камнями и жемчугом, очевидно, осталась неизменной со времен шлема Дмитрия Донского.

⁵² Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности. Вып. 5. С. 44. По мнению Н. П. Кондакова, шишак, откуда происходят пластины, мог также иметь золотой нижний обод. При создании Шапки Мономаха обод мог быть заменен на высокую матерчатую подкладку, о которой писала И. А. Бобровницкая (см. выше). Способ крепления утраченных частей шлема (навершия и нижнего обода) к пластинам, сохранившимся в составе Шапки Мономаха, остается неясным. По наблюдениям И. А. Бобровницкой, состояние некоторых отверстий в верхних и нижних частях пластин показывает, что они никогда не использовались для крепления каких-либо деталей (Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 78–80). Возможно, навершия и обод шлема крепились не к пластинам, а к внутреннему каркасу головного убора. Также возможно, что для их крепления использовались не все, а только некоторые отверстия. Наконец, нельзя исключить, что работа над шлемом не была завершена, и он существовал в виде пластин-заготовок.

ранняя дата изготовления золотых пластин определяется датами рождений сыновей Ивана Красного (Дмитрий родился 12 октября 1350 г., Иван — самое раннее в конце 1351 — начале 1352 г.). Таким образом, возможна узкая датировка золотых пластин Шапки Мономаха периодом между 12 октября 1350 и 1359 гг.

В духовных грамотах великих князей после Ивана Красного золотой шлем отдельно не упоминается. Однако во второй духовной грамоте Дмитрия Донского (1389 г.) фигурирует некая золотая снасть («снасть золота»), которую унаследовал его третий сын Андрей Можайский. Археолог М. Г. Рабинович высказал интересное предположение, что в состав золотой «снасти» могла входить найденная им в слое XIV в. в Тушкове городке золотая нашивная брошь в форме «арабского цветка». Тушков городок в верховье Москвы-реки входил в число владений, переданных Дмитрием Донским тому же Андрею Можайскому. О возможной связи броши с великокняжеской казной свидетельствует не только место находки, но и выделка предмета. В частности, по форме и размерам брошь из Тушкова городка очень близка к «арабскому цветку» в орнаменте некоторых пластин Шапки Мономаха. Такая близость, по мнению М. Г. Рабиновича, свидетельствует о том, что оба изделия выполнены мастерами одной школы из Средней Азии, возможно для одного заказчика⁵³.

Чтобы определить характер вероятной связи между шлемом Дмитрия Донского, Шапкой Мономаха и брошью из Тушкова городка, необходимо выяснить, что означает выражение «снасть золота» во второй духовной грамоте Дмитрия Донского. С точки зрения И. И. Срезневского, под «снастью» подразумевается «вооружение, доспех». Такая интерпретация вызвала возражения М. Г. Рабиновича, поскольку, по его мнению, «мы не знаем в числе имущества московских князей золотого доспеха». По его наблюдениям, брошь изначально предназначалась для нашивки на ткань, но потом была грубо переделана для крепления гвоздями на какую-нибудь твердую поверхность. Поэтому археолог считал, что слово «снасть» в завещании Дмитрия Донского означает «обивка» или, менее вероятно, «конская сбруя»⁵⁴.

На самом деле в великокняжеской казне хранились золотые доспехи. Так, доспех упоминается в числе золотых изделий в первой духовной Дмитрия Донского (1371–1374 гг., возможно 1372 г.)⁵⁵. Именно с этим золотым доспехом следует отождествить золотую «снасть» из второй духовной грамоты Дмитрия Донского. Согласно первому завещанию Дмитрия Донского, золотой доспех был унаследован им от отца Ивана Красного. В духовной Ивана Красного в составе казны, передаваемой Дмитрию, есть два изделия из золота, которые можно квалифицировать как доспех: упомянутый выше золотой шлем и золотая сабля на золотой перевязи («обязи»). Шлем и сабля, по-видимому, составляли единый гарнитур (такой же комплект получил от Ивана Красного и его второй сын, Иван)⁵⁶. Этот набор парадного воору-

⁵³ ДДГ. С. 36; Рабинович М. Г. Золотое украшение из Тушкова городка // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 68. С. 45–50.

⁵⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 453; Рабинович М. Г. Золотое украшение. С. 50.

⁵⁵ ДДГ. С. 25; Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 46–78.

⁵⁶ ДДГ. С. 16, 18. О значении слова «обязь» см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 591. Дальнейшая судьба золотого вооружения, унаследованного вторым сыном Ивана Красного Иваном, неизвестна.

жения Дмитрий передал своим детям (в его первой духовной наряду с доспехом упоминаются и золотые сабли)⁵⁷.

Принимая во внимание сведения о золотом доспехе великокняжеской казны, история шлема Дмитрия Донского представляется следующим образом. После смерти Дмитрия Донского шлем в составе золотой «снасти» (парадного доспеха) оказался в казне Андрея Можайского. Одним из элементов «снасти» была, по всей видимости, и брошь из Тушкова городка. После Андрея (ум. в 1432 г.) шлем мог унаследовать его сын Михаил Андреевич Верейский-Белозерский. Перед своей смертью в 1486 г. Михаил назначил великого князя Ивана III распорядителем своего движимого имущества. Тем не менее, судя по духовной Ивана III, после смерти Михаила Верейского-Белозерского его бывшая казна так и осталась на Белоозере. В свою очередь, Иван III завещал белозерскую казну Василию III⁵⁸. Вместе с белозерской казной в великокняжескую сокровищницу, очевидно, вернулся и шлем Дмитрия Донского.

Таким образом, Шапка Мономаха, как справедливо отметили многие исследователи, действительно связана своим происхождением с великокняжеской казной. В то же время Шапка Мономаха не является золотой шапкой московских князей, как обычно считается в историографии. Форма, материал, конструкция и декор Шапки Мономаха показывают, что при ее создании, скорее всего, использовался шлем Дмитрия Донского, входивший в состав золотого доспеха, который сначала хранился в казне московских князей, а потом на долгое время перешел к Андрею Можайскому и его потомкам. В контексте истории золотого доспеха следует пересмотреть и традиционную датировку Шапки Мономаха.

Шапка Мономаха и шлем наследника при Василии III

Василий III является первым московским князем, который известен как заказчик парадного головного убора, сохранившегося до наших дней. В самом конце своего правления Василий III (ум. в 1533 г.) заказал для наследника роскошный шлем из стали с золотой насечкой, хранящийся ныне в Оружейной палате (Livrustkammaren) в Стокгольме (рис. 3)⁵⁹.

Традиция изготовления династических шлемов сложилась на Востоке, где, в отличие от Западной Европы, практика ношения короны правителем не получила распространения. Вместо корон на Востоке использовались парадные шлемы, щедро украшенные растительным орнаментом и драгоценными камнями. На шлемы обычно наносились надписи, указывающие имя правителя и его наследника, их

---

⁵⁷ ДДГ. С. 25; *Кучкин В. А.* Первая духовная. С. 57.

⁵⁸ ДДГ. С. 36, 311, 363. Об интересе Михаила Верейского-Белозерского к парадным головным уборам свидетельствует хранившийся в его казне царский венец с зубчатыми украшениями («з городы»), декорированный драгоценными камнями и крупным жемчугом — «зернами» (ДДГ. С. 312). В духовной грамоте Михаила Верейского-Белозерского шлем отдельно не упоминается, однако духовная не содержит исчерпывающего списка казны Михаила. К. В. Базилевич указывал, что «полная опись его имущества до нас не дошла» (*Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 27).

⁵⁹ Шлем, по всей видимости, дважды был захвачен в качестве трофея, сначала поляками в Москве в 1611–1612 гг., а потом шведами в Варшаве в 1655 г. (*Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. X. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325; *Владимирская Н. С.* (ред.). Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке: Каталог выставки. Государственный исторический музей, 4.04–1.07.2001. М., 2001. С. 56–57. № 3; *Bogatyrev S.* Ivan IV, 1533–1584 // *The Cambridge History of Russia*. Cambridge, 2006. Vol. 1. From Early Rus' to 1689 / Ed. by M. Perrie. P. 243, plate 12).

титулы, а также цитаты из Корана на тему власти, военных побед, справедливости, помощи Всевышнего и т. д.⁶⁰ Шлемы восточной работы были широко представлены в казне московских князей⁶¹. К числу восточных династических шлемов относятся и шлемы детей Ивана Красного. Таким образом, «идеологи» и мастера Василия III были хорошо знакомы с восточной практикой создания династических шлемов.

Необходимость в парадном шлеме объясняется тем, что Василий III оставлял престол трехлетнему ребенку. Династическая программа шлема Ивана Грозного выражена в кириллической надписи по венцу наголовья⁶²:

Шеломъ кна́ са́ Ивана Васи́ли<~>евича · вел'ико́го кна́ са́ сна<~>
Васи́л'и́а Ивано́вича г.о́спода<~>ра́ все́а Русь · са́моде́ржа<~>

Шлем служил напоминанием членам династии, прежде всего братьям Василия III, о том, что наследником престола являлся его сын Иван. Именно Иван был единственным законным претендентом на Шапку Мономаха⁶³.

Сравним Шапку Мономаха и шлем Ивана Грозного. Конечно, по своему художественному исполнению это памятники совершенно разного уровня; орнамент Шапки Мономаха и шлема также существенно различается. Вместе с тем, в форме обоих уборов имеется существенное сходство. Средняя часть обоих головных уборов сформирована из поставленных на конус плоскостей, покрытых богатым декором (пластины Шапки Мономаха со сканью, полосы шлема с растительным орнаментом). Верхняя часть уборов образована навершиями, присоединенными к тульям. Навершие шлема длинное штыреобразное (в форме сильно вытянутого усеченного конуса), с утолщением на конце. Н. П. Кондаков обоснованно предполагал, что утраченное звездчатое навершие, на которое рассчитаны вырезы в пластинах шапки Мономаха, могло представлять собой типичную для шлемов-шишаков

Рис. 3. Шлем Ивана Грозного

⁶⁰ Turks. Nos. 155, 318. P. 209, 339, 415, 457 (иранский и османский шлемы конца XV – середины XVI вв.).

⁶¹ Государева Оружейная палата. Под ред. В. Е. Тумановского. СПб., 2002. №№ 3 (османский шишак XVI в.), 4 (иранская ерихонха, XVI в.), 7 (османская ерихонха, XVI в.); Бобровницкая И. А. Шапка Мономаха. С. 77.

⁶² Надпись воспроизводится по результатам обследования шлема в Стокгольме в июле 2010 г. Угловые скобки обозначают места, где надпись прерывается орнаментом. Приношу благодарность сотрудникам Livgustkammaren Ann Grönhammar и Malin Grundberg за любезно предоставленную возможность изучить шлем. В кн. Орел и лев. С. 57 надпись воспроизведена в упрощенном виде (с заменой вышедших из употребления букв на современные и без указания на точки в тексте надписи и места расположения орнамента). А. А. Бобринский воспроизвел надпись с ошибками, неверно указал в некоторых местах регистр точек внутри текста, а также не обозначил места орнамента (Бобринский А. А. Шлем. С. 316).

⁶³ По мнению А. Е. Мусина, шлем использовался во время ритуала посажения наследника на коня. Мусин А. Е. Milites Christi Древней Руси: Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 294, 312.

звездообразную крышечку⁶⁴. Близость форм шапки и шлема еще раз подтверждает идею Н. П. Кондакова, что пластины шапки изначально находились в средней части какого-то парадного шлема.

В обоих головных уборах также заметно сильное восточное влияние. Шлем Ивана Грозного, скорее всего, был изготовлен на Востоке (за исключением кириллической надписи, нанесенной в Москве) либо был целиком сделан в Москве в соответствии с восточными традициями⁶⁵. В наголовье шлема расположены куфические знаки. Долгое время они считались бессмысленной имитацией арабской вязи, однако в последнее время два специалиста по арабскому языку независимо друг от друга предположили, что это действительно надпись, читаемая как «Аллах Мухаммед» (сокращенный вариант фразы «Велик Аллах, и Мухаммед пророк его»)⁶⁶. Шлем покрыт орнаментом из растительных побегов. Как указывает А. Л. Якобсон, орнамент шлема имеет параллели с московской первопечатной графикой XVI в. и с некоторыми иконными окладами московской работы. Подобный орнамент был распространен в Персии, а в Россию он попал скорее всего через Закавказье и Крым⁶⁷. Среди наиболее значительных восточных элементов Шапки Мономаха исследователи обычно выделяют ее коническую форму, тип скани, орнамент (в частности, мотив «арабского цветка»), а также касты наверхшия.

Таким образом, Шапка Мономаха и шлем Ивана Грозного создавались на основе одних и тех же идейных принципов. Мастера обоих головных уборов использовали образцы восточной работы в интересах московской династии, подчеркивая ее древность и преемственность власти в великокняжеской семье.

Стремясь укрепить свое положение на престоле, Василий III обращался и к восточному, и к византийскому миру. С одной стороны, Василий стремился к установлению династических связей с представителями татарской знати. Так, в январе 1506 г., т. е. практически сразу после восшествия на престол, Василий организовал свадьбу своей сестры и крещеного татарского царевича Петра (Худай-Кула). Трудно сказать, собирался ли Василий передать Петру престол, как это предполагал А. А. Зимин, но несомненно, что Петр занимал очень высокое положение в окружении великого князя⁶⁸. Василий III также активно развивал политические

---

⁶⁴ Звездчатые наверхшия имеются на некоторых монгольских шлемах второй половины XIII – первой половины XIV вв., найденных в Поросье (*Горелик М. В.* Ранний монгольский доспех. Рис 11.4, 11.14).

⁶⁵ По мнению Нильса Дрейхольта, местом создания шлема является Москва (Орел и лев. С. 56), однако Елена Арутюнова допускает, что шлем мог быть подарен Василию III турецким султаном. Расшифрована арабская надпись на шлеме Ивана Грозного: <http://www.inauka.ru/news/article92801> (последнее посещение — 16 февраля 2011 г.).

⁶⁶ *Ruby S.* The Kremlin Workshops of the Tsars and Foreign Craftsmen: c.1500–1711. PhD Dissertation. Courtauld Institute of Art. London, 2008. P. 169 (со ссылкой на анонимного арабиста); Расшифрована арабская надпись (перевод генерального консула Ирана в Москве Сейеда Голамреза Мейгуни).

⁶⁷ *Якобсон А. Л.* Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1971. Т. IV. № 167. С. 238–242.

⁶⁸ *Зимин А. А.* Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Ученые записки Казанского гос. педагогического института. 1970. Вып. 80. Из истории Татарии. Т. 4. С. 146–147; *Ostrowski D.* 1) Muscovy and the Mongols. P. 55; 2) The Extraordinary Career of Tsarevich Kudai Kul/Peter in the Context of Relations between Muscovy and Kazan' // States, Societies, Cultures: East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski / Ed. Janusz Duzinkiewicz and others. New York, 2004. P. 697–719.

и торговые контакты с Османской империей⁶⁹. С другой стороны, из Константинополя в Москву поступали типичные византийские отзывы о Василии III как об истинном православном царе. Так, патриарх Константинополя льстил Василию, называя его «навысший и кратчайший царь и великий краль всея православные земли, великия Руси»⁷⁰. В неофициальных публицистических произведениях Василий III наделялся пышным титулом, в котором присутствовали как греческие, так и татарские элементы⁷¹.

Характерный для времени Василия III симбиоз восточной и византийской культуры создавал благоприятную атмосферу для появления памятников подобных Шапке Мономаха. С одной стороны, шапка отражала ориентацию мастеров Василия III на образцы восточных головных уборов, которая ярко проявилась в шлеме наследника. С другой стороны, подвесные украшения, упоминаемые Герберштейном, и легенда о происхождении шапки отсылали к византийским традициям репрезентации верховной власти. Культурно-исторический контекст правления Василия III позволяет предположить, что Шапка Мономаха появилась в Москве именно при Василии III, точнее между его восшествием на престол в 1505 г. и вторым визитом Герберштейна в Москву в 1526 г.

Г. Н. Бочаров уже высказал предположение, что шапка была сделана в Москве, хотя он связывал ее создание с венчанием на великокняжеский престол в Москве Василия II (1425–1462 гг.)⁷². Однако у нас нет никаких сведений об использовании каких-либо головных уборов при возведении на престол Василия II. Скорее всего, Шапка Мономаха была собрана в Москве во времена Василия III из различных золотых деталей, хранившихся в великокняжеской казне. Подобные сборные памятники, претендующие на историческую связь с Византией, хорошо известны в культуре Московской Руси, например, панагия архиепископа Пимена и Корсунские ворота из Софийского собора в Новгороде. В состав подобных памятников нередко включались более древние произведения или их фрагменты⁷³. В Шапке Мономаха также использовались отдельные древние элементы — золотые пластины шлема Дмитрия Донского, изготовленные, по всей видимости, на Востоке, хотя конкретный регион происхождения пластин остается предметом дискуссий⁷⁴.

---

⁶⁹ *Зайцев И.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя, начало XV – первая половина XVI вв. М., 2004. С. 123.

⁷⁰ РФА. Вып. 2. М., 1987. С. 338.

⁷¹ *Синицына Н. В.* Третий Рим. С. 138–139.

⁷² *Бочаров Г. Н.* Сделано в Москве // *Родина*. 1992. № 8/9. С. 125–128.

⁷³ Панагия Пимена XVI в. включает византийскую камею XI в. Корсунские ворота были скомпонованы в XVII в. из различных деталей XI–XVI вв. (Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб, 2007. С. 251–252, 377).

⁷⁴ Н. В. Жилина и М. Г. Крамаровский разделяют идею Н. П. Кондакова о происхождении пластин из северо-восточной окраины Византийского мира, которая впоследствии подверглась монгольскому влиянию. При этом Н. В. Жилина делает акцент на византийских стилистических особенностях изделия, а М. Г. Крамаровский подчеркивает золотоордынское и исламское влияние. По мнению Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой и И. А. Бобровницкой, шапка является изделием мастеров Улуса Джучи (Золотой Орды). *Крамаровский М. Г.* «Шапка». С. 70; *Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Короны. С. 44–45; *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 5–15; *Бобровницкая И. А.* Шапка Мономаха. С. 73–77, 82, 85.

**«Воссоздание» династических уборов
в контексте династической политики**

Создание Шапки Мономаха было частью настойчивых попыток Василия III укрепить легитимность своей власти. Неслучайно первые сведения об использовании Шапки Мономаха как средства репрезентации великокняжеской власти при дипломатических контактах относятся именно к периоду правления Василия III. Изготовление Шапки Мономаха с использованием старинных деталей следует рассматривать в контексте целого ряда культурно-политических мероприятий эпохи Василия III, которые подчеркивали преемственность власти в правящей династии и ее древнее происхождение. Среди указанных мер можно отметить возобновление традиции изготовления династического шлема для наследника, освящение в 1508 г. Архангельского собора и организацию в нем некрополя предков Василия, а также архаизированный великокняжеский титул, использовавшийся Василием III⁷⁵. Непосредственное отношение к Шапке Мономаха имеет и вышеупомянутое «Послание о Мономаховом венце», утверждающее, что Василий III по праву обладает «царским венцом» Мономаха:

Тем венцем царским, его присла великий царь греческы Костянтин Манамах, венчаются вси великие князи володимерские, егда ставятся на великое княжение русское, яко же и сей волный самодержъцъ и царь Великыя Росия Василие Иванович⁷⁶.

По мнению Н. В. Сеницыной, которое разделяет и А. И. Филюшкин, «Послание» должно было стать литературной основой для планировавшегося, но не осуществленного венчания Василия III Мономаховым венцом⁷⁷. Если такое предположение верно, то создание Шапки Мономаха при Василии III имело не только идейное, но и практическое значение.

Если планы Василия III венчаться Шапкой Мономаха остаются вероятной гипотезой, то использование шапки при венчании его сына Ивана Грозного не вызывает сомнения. Шапка Мономаха, как уже отмечалось, стала одним из символов царской власти при венчании Ивана на царство в январе 1547 г. Очевидно, в связи с венчанием на царство на шапке появился крест, игравший важную роль в религиозном символизме церемонии царского венчания. Об этом свидетельствует сцена венчания Владимира Мономаха на барельефе царского места, явно созданная под влиянием ритуала венчания Ивана Грозного. На шапке, которой венчается правитель, отчетливо виден крест. Характерно, что на изображении той же шапки на борту судна, идущего из Константинополя в Москву, креста на шапке еще нет⁷⁸. Таким образом, крест на Шапке Мономаха ассоциировался с торжественным актом венчания православного русского государя на царство.

⁷⁵ Филюшкин А. И. Василий III. С. 53, 54, 139–152.

⁷⁶ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. С. 165

⁷⁷ Сеницына Н. В. Третий Рим. С. 198; Филюшкин А. И. Василий III. С. 144. Предполагалось ли венчание Василия III великокняжеским или царским титулом остается неизвестным. С учетом подчеркнутой ориентации династической политики Василия III на «старину», венчание великокняжеским титулом представляется более вероятным.

⁷⁸ Соколова И. М. Мономахов трон. С. 45, илл. 27, 30, 32; Соколова И. М. Русская деревянная скульптура. С. 42–48.

Дальнейшая история креста остается неясной. На портрете Миддельдорпа и на парадном изображении царя Федора Ивановича на Царь-пушке работы Андрея Чохова (1586 г.) крест на шапке отсутствует⁷⁹. Либо пушечные мастера игнорировали крест по каким-то причинам, либо он был просто утрачен после венчания 1547 г. Нынешний крест Шапки Мономаха датируется по-разному. Н. В. Жилина относит его к XIII в., однако более вероятной представляется датировка XVII веком, которую предлагает И. А. Бобровницкая⁸⁰.

Смерть первого наследника Ивана Грозного царевича Дмитрия (1553 г.) обострила вопрос о престолонаследии в царской семье. После рождения в 1554 г. другого сына, царевича Ивана, царь предпринял целый ряд символических действий, направленных на укрепление положения царевича как наследника⁸¹. Среди этих мер был и заказ в 1557 г. для царевича парадного шлема («шелома») в соответствии со старой традицией великокняжеской семьи. Этот шлем грациозной стрельчатой формы с высоким шпилем хранится ныне в Оружейной палате Московского Кремля (Рис. 4)⁸². Для середины XVI в. такая форма шлема уже была несколько архаичной⁸³. Однако с точки зрения династической политики консервативная форма шлема прекрасно соответствовала идее преемственности власти.

Рис. 4. Шлем Ивана Ивановича.

Шлем царевича Ивана представляет собой новый этап в развитии придворного династического искусства. В отличие от эклектичного шлема Ивана Грозного, шлем царевича отличается продуманной концепцией надписи и изображений. Надпись на шлеме царевича гораздо сложнее по структуре и пространственному расположению, чем кириллическая надпись на шлеме Грозного. Последняя выполнена примитивным «полуустановом» и расположена в одну линию по окружности шлема. Для надписи на шлеме царевича использовался более сложный тип письма (вязь), текст вписан в четыре продолговатых клейма, расположенных по венцу наголовья шлема:

Повелением благовернаго и христолюбиваго царя великаго государя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца сделан шелом сей благоверному сыну его царевичу Ивану Ивановичу в четвертое лето рождения его в преименитом царствующем граде Москве в лето 7065 июля в 8 день.

Как и в надписи шлема Грозного, в надписи 1557 г. правящий монарх назван самодержцем. В то же время, титулы правителя и наследника отражают измене-

⁷⁹ Об изображении на Царь-пушке см.: *Немировский Е. Л.* Андрей Чохов. М., 1982. С. 40; *Bogatyrev S.* Bronze Tsars. P. 61–71.

⁸⁰ *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. С. 113; *Бобровницкая И. А.* 1) Рюгалии. С. 6; 2) Шапка Мономаха. С. 80; *Bogatyrev S.* Bronze Tsars. P. 60.

⁸¹ Подробнее см.: *Bogatyrev S.* Reinventing the Russian Monarchy. P. 284, 287, 288.

⁸² Государева Оружейная палата. № 2. См. также *Bogatyrev S.* Ivan IV. P. 251, plate 12.

⁸³ Государева Оружейная палата. С. 300.

ния в официальной титулатуре, произошедшие после венчания Ивана Грозного на царство в 1547 г. («царь», «царевич»). Среди новых элементов надписи 1557 г. следует также отметить появление религиозной риторики («благоверный», «христоролюбивый»), прославление Москвы как столицы православного царства и указание на дату изготовления шлема.

В отличие от декора шлема Ивана Грозного, декор шлема царевича насыщен династической символикой. Венец шлема 1557 г. украшен династическими изображениями двуглавого орла, который со времен Ивана III ассоциировался с правящим московским домом, а также изображениями львов. Как произведение династического искусства, шлем царевича отражает стремление Ивана Грозного повысить престиж своей династии и подчеркнуть ее особую связь с православием.

Непоследовательность Ивана III в вопросе о наследовании поставила под угрозу легитимность власти Василия III, а следовательно и легитимность власти его сына Ивана Грозного. По семейным обстоятельствам ни Василий III, ни Иван Грозный не могли позволить себе роскошь выбирать между разными наследниками, как это в свое время делал Иван III. Долгое отсутствие детей в семье Василия III и смерть первого наследника Ивана Грозного, царевича Дмитрия, сделали вопрос престолонаследия исключительно острым. Международные дела также вынуждали Василия III и Ивана Грозного заботиться о престиже своей династии. Созданные при Василии III и Иване Грозном парадные головные уборы были важной частью династической политики.

* * *

Со времен Ивана Красного в великокняжеской семье существовала практика использования двух типов династических головных уборов — золотой шапки и шлема наследника. В основе этой практики лежала тюрко-монгольская традиция репрезентации высшей власти. Головные уборы могли утрачиваться в силу различных обстоятельств, поэтому шапку и шлем приходилось иногда создавать заново. Шапкой из великокняжеской казны венчался Дмитрий-внук в 1498 г., однако в результате последовавшего династического кризиса соперник Дмитрия Василий III оказался лишенным наследственного парадного убора. «Воссоздание» утраченных головных уборов стало важной частью династической политики Василия III, носившей подчеркнuto архаизированный характер. При Василии возродилась практика создания парадного шлема для наследника. К числу династических головных уборов, заказанных Василием III, следует отнести и Шапку Мономаха, которая была собрана в 1505–1526 гг.

Созданию Шапки Мономаха способствовал целый ряд факторов: оформившаяся в правление Василия III литературная легенда о дарах Мономаха, а также интенсивные контакты с внешним миром, в том числе с восточными православными церквями и представителями татарской элиты. В материальном плане появлению Шапки Мономаха помогло и обогащение великокняжеской казны в результате присоединения некоторых уделов к Москве при Иване III.

В силу указанных факторов головные уборы, созданные при Василии III, носят эклектичный характер с заметным преобладанием восточных декоративных эле-

ментов. Эkleктика видна как в оформлении, так и в идейной программе уборов. Заказанный Василием шлем наследника имеет арабские и кириллические надписи; Шапка Мономаха официально считалась подарком византийского императора, но на самом деле является сильно модифицированным восточным шлемом, который изначально был изготовлен для наследника Ивана Красного Дмитрия Донского в 1350–1359 гг.

С помощью Шапки Мономаха восстанавливалась прерванная из-за династического кризиса конца правления Ивана III традиция бытования парадной золотой шапки в московской великокняжеской семье. В то же время в отличие от утраченных династических головных уборов Шапка Мономаха символизировала связь Василия не только с московской династией, но и с Византией и Киевом. Тем самым повышался престиж Василия III как правителя и утверждалась законность прав на престол как самого Василия, так и его наследника. Шапка Мономаха и шлем наследника оставались символами преемственности власти и при Иване Грозном. Вместе с тем, в идейной программе парадных уборов, использовавшихся во времена Ивана Грозного, появились новые акценты, связанные с принятием царского титула. В эпоху Ивана Грозного в декоре династических головных уборов на первый план выходит православная символика, подчеркивающая сакральный характер царской власти.

Данные о статье

Автор: Богатырев Сергей Николаевич, Ph. D. in History, Великобритания, старший лектор Университетского колледжа Лондона, s.bogatyrev@ssees.ucl.ac.uk

Заголовок: Шапка Мономаха и шлем наследника: Репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном.

Резюме: В статье предлагается новый взгляд на историю самого знаменитого символа российской монархии, Шапки Мономаха, которая традиционно датируется XIV столетием. Впервые в историографии шапка изучается в связи со шлемами, которые заказывались московскими князьями для своих наследников, включая шлем Ивана Грозного (ныне хранящийся в Стокгольме) и шлем сына Ивана Грозного царевича Ивана из Музеев Московского Кремля. Шапка Мономаха и шлемы составляли единый комплекс династических головных уборов, идейная программа которых выражала основные приоритеты династической политики московских правителей: непрерывность и преемственность власти. Правление Василия III (1505–1533) было ключевым этапом в истории церемониальных головных уборов московской династии. Под влиянием династического кризиса, сопутствовавшего его восхождению на престол, и долгого отсутствия наследника в семье, Василий III (или его идеологи) развернули программу воссоздания древних церемониальных головных уборов, которые были по разным причинам утрачены ко времени правления Василия. При этом головные уборы, созданные при Василии III, наполнялись новым культурным смыслом, указывавшим на связь и преемственность с Византией и Киевом. На основе критического пересмотра письменных и визуальных источников о регалиях московских князей, в том числе завещаний московских князей, малоизвестного западного изображения Шапки Мономаха и династической иконографии Тимуридов, автор утверждает, что Шапка Мономаха была частью «реставрационной политики» Василия III. Она была создана между 1505 и 1526 гг. из частей парадного шлема, принадлежавшего ранее Дмитрию Донскому. Династические головные уборы московских князей восходят к монгольской и тюркской традициям репрезентации верховной власти. В царствование Ивана Грозного (1533–1584) в идеологической программе церемониальных головных уборов появились новые темы, связанные с православием и благочестием.

Ключевые слова: Династия, регалии, Василий III, Иван Грозный.

Литература, использованная в статье:

- Алексеев, Алексей Иванович.* «Спиридон рекомый, Савва глаголемый». Заметки о сочинениях киевского митрополита Спиридона // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 5–16.
- Антинг, Лейда.* Таллинские оружейники и огнестрельное оружие XIV–XVI веков. Таллин: Ээсти раамат, 1967. 47 с.
- Базилевич, Константин Васильевич.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного исторического музея. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1926. Вып. 3. С. 3–51.
- Бобринский, Алексей Александрович.* Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург, 1898. Т. X. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325.
- Бобровницкая, Ирина Акимовна.* Регалии российских государей. Москва: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», Максим Светланов, 2004. 40 с.
- Бобровницкая, Ирина Акимовна.* Шапка Мономаха: К проблеме происхождения формы // Филимоновские чтения / Отв. ред. Левыкин, Алексей Константинович. Москва: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», Квинта-Плюс, 2004. Вып. 1. С. 59–85.
- Богатырев, Сергей Николаевич.* Царская власть в 1550-е гг.: Преемственность или новации? // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV–первой трети XVIII в. Тезисы докладов международной научной конференции / Отв. ред. Воротникова, Ирина Анатольевна и др. Москва: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2006. С. 17–20.
- Богатырев, Сергей Николаевич.* Лестница в небо. Символика власти Ивана Грозного // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 9–12.
- Богданов, Андрей Петрович.* Чины венчания российских царей // Культура Москвы XIV–XVII вв. / Отв. ред. Рыбаков, Борис Александрович. Москва: Наука, 1995. С. 211–224.
- Бочаров, Генрих Николаевич.* Сделано в Москве // Родина: Российский исторический журнал. 1992. № 8/9. С. 125–128.
- Бранденбург, Николай Ефимович.* Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук. 1889. Ч. III. Приложение. XXIV, 532 с.
- Бычкова, Маргарита Евгеньевна.* Московские самодержцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. Москва: Совет по изучению и охране природного и культурного наследия Российской Академии наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 1995. 72 с.
- Валеева-Сулейманова, Гузель Фуадовна.* Короны русских царей – памятник татарской культуры // Казань, Москва, Санкт-Петербург: Российская империя взглядом из разных углов / Отв. ред. Гаспаров, Борис Михайлович и др. Москва: О.Г.И., 1997. С. 40–51.
- Владимирская, Нонна Сергеевна* (ред.). Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке. Каталог выставки. Государственный исторический музей, 4.04–1.07.2001. Москва: Государственный исторический музей и др., 2001. 158 с.
- Гольдберг, Александр Львович.* К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Ленинград, 1976. Т. 30. С. 204–216.
- Горелик, Михаил Викторович.* Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред. Деревянко, Анатолий Пантелеевич, Нацагдорж, Шагдаржавын. Новосибирск, 1987. С. 163–208.
- Дмитриева, Руфина Петровна.* Сказание о князьях Владимирских. Москва, Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1955. 213 с.
- Евсеева, Лилия Михайловна.* Шитая пелена 1498 г. и чин венчания на царство // Древнерусское искусство. Византия и Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабаря, 1896–1990 / Отв. ред. Смирнова, Энгелина Сергеевна. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. С. 430–439.
- Жилина, Наталья Викторовна.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. Москва: Наука, 2001. 247 с.

Зайцев, Илья Владимирович. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя, начало XV – первая половина XVI вв. Москва: Рудомино, 2004. 215 с.

Зимин, Александр Александрович. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. // Ученые записки Казанского гос. педагогического института. 1970. Вып. 80. Из истории Татарии. Т. 4. С. 141–163.

Зимин, Александр Александрович. Россия на рубеже XV–XVI столетий. Москва: Мысль, 1982. 331 с.

Кондаков, Никодим Павлович, Толстой, Иван Иванович. Русские древности в памятниках искусства. Санкт-Петербург: Типография А. Бенке, 1897. Вып. 5. 167 с.

Крамаровский, Марк Григорьевич. «Шапка Мономаха»: Византия или Восток? // Сообщения Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Ленинград: Искусство, 1982. Т. 47. С. 66–70.

Крамаровский, Марк Григорьевич. Джучиды: Воинские шапки и бокка // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского (14.II.1908–15.X.1990). Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 33–38.

Крылов, Валерий Михайлович и др. (ред.). Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. История и коллекция. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, 2004. 256 с.

Кучкин, Владимир Андреевич. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь / Отв. ред. Горский, Антон Анатольевич. Москва: Индрик, 2004. Вып. 5. С. 191–280.

Кучкин, Владимир Андреевич. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского // Средневековая Русь / Отв. ред. Горский, Антон Анатольевич. Москва: Эдиториал УРСС, 1999. Вып. 2. С. 46–78.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Царевич-царь-цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали, 1604–1606. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. 240 с.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Казанская шапка и казанские цари // Анфологон. Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Бориса Николаевича Флори / Отв. ред. Литаврин, Геннадий Григорьевич. Москва: Индрик, 2008. (Славяне и их соседи. Вып. 12). С. 99–117.

Мусин, Александр Евгеньевич. **Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета.** Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.

Немировский, Евгений Львович. Андрей Чохов. Москва: Наука, 1982. 107 с.

Орленко, Сергей Павлович (сост.). Россия — Британия: К 450-летию установления дипломатических отношений. Москва: Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Максим Светланов, 2003. 270 с.

Рабинович, Михаил Григорьевич. Золотое украшение из Тушкова городка // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва, 1957. Вып. 68. С. 45–50.

Синицына, Нина Васильевна. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции, XV–XVI вв. Москва: Индрик, 1998. 416 с.

Соколова, Ирина Михайловна. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. К 450-летию памятника. Москва: Индрик, 2001. 80 с.

Соколова, Ирина Михайловна. Русская деревянная скульптура XV–XVIII веков. Каталог. Москва: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»», 2003. 319 с.

Спицын, Александр Андреевич. К вопросу о Мономаховой шапке // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества / Ред. Платонов, Сергей Федорович. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1906. Т. 8. Вып. 1. С. 146–184.

Срезневский, Измаил Иванович. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912. Т. 3. 272 кол., 13 с.

Ульяновский, Василий Иринархович. Первая концепция происхождения княжеской власти и ее символов на Руси: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы // «В кратких словесах многой разум замыкающее...»: Сборник научных трудов в честь 75-летия проф. Руслана Григорьевича

Скрынникова / Отв. ред. Дворниченко, Андрей Юрьевич. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2008 (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Т. II). С. 65–105.

Гумановский, Виктор Евгеньевич (ред.). Государева Оружейная палата. Санкт-Петербург: Атлант, 2002. 408 с.

Успенский, Борис Андреевич. Царь и патриарх. Харизма власти в России. Византийская модель и ее русское переосмысление. Москва: Языки русской культуры, 1998. 680 с.

Филимонов, Георгий (Юрий) Дмитриевич. О времени и происхождении Мономаховой шапки // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских / Отв. ред. Барсов, Елпидифор Васильевич. Москва: Университетская типография, 1898. Кн. 2. С. 61–62.

Филюшкин, Александр Ильич. Василий III. Москва: Молодая гвардия, 2010. 346 с.

Щапов, Ярослав Николаевич. К изучению «Чина венчания на царство Ивана IV» // Римско-константинопольское наследие на Руси. Идея власти и политическая практика / Отв. ред. Сахаров, Андрей Николаевич и др. Москва: Институт российской истории Российской Академии наук, 1995. С. 213–225.

Якобсон, Анатолий Леопольдович. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля: Материалы и исследование по археологии СССР. Материалы и исследование по археологии Москвы / Ред. Воронин, Николай Николаевич, Рабинович, Михаил Григорьевич. Москва: Наука, 1971. Т. IV. № 167. С. 238–242.

Янин, Валентин Лаврентьевич (ред.). Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. 552 с.

Beseler, Hartwig. Kunst-Topographie Schleswig-Holstein. Neumünster: Wachholtz, 1969. XI, 964, 44 S.

Bogatyrev, Sergei. Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns // The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. No. 1–2. P. 48–72.

Bogatyrev, Sergei. Ivan the Terrible Discovers the West. The Cultural Transformation of Autocracy during the Early Northern Wars // Russian History / Histoire Russe. 2007. Vol. 34. No. 1–4. P. 161–188.

Bogatyrev, Sergei. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // The Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85. No. 2. P. 271–293.

Bogatyrev, Sergei. Ivan IV, 1533–1584 // **The Cambridge History of Russia**. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 1. From Early Rus' to 1689 / Ed. by Maureen Perrie. P. 240–263.

Canby, Sheila R. Shah 'Abbas. The Remaking of Iran. London: British Museum, 2009. 274 p.

Cormack, Robin; Vassilaki, Maria (ed.) Byzantium, 330–1453. London: Royal Academy of Arts, 2008. 494 p.

Gray, Basil. An Unknown Fragment of the “Jāmi’ al-tawārikh” in the Asiatic Society of Bengal // *Ars Orientalis*. 1954. Vol. 1. P. 65–75.

Grundberg, Malin. Ceremoniernas makt: Maktöverföring och genus i Vasatidens kungliga ceremonier. Lund: Nordic Academic Press, 2005. 334 s.

László, Péter. The Holy Crown of Hungary, Visible and Invisible // *The Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. No. 3. P. 421–510.

Lentz, Thomas W. Dynastic Imagery in Early Timurid Wall Painting // *Muqarnas: Essays in Honor of Oleg Grabar*. 1993. Vol. 10. P. 253–265.

Lentz, Thomas W., Lowry, Glenn D. Timur and the Princely Vision: Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Washington, D.C.: Arthur M. Sackler Gallery; Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1989. 396 p.

Manz, Beatrice Forbes. Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty // *Iranian Studies*. 1988. Vol. 21. No. 1/2. P. 105–122.

Martin, Janet. Medieval Russia, 980–1584. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. XXVI, 450 p.

Ostrowski, Donald. Muscovy and the Mongols. Cross-Cultural Contacts on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. XVI, 329 p.

Ostrowski, Donald. The Extraordinary Career of Tsarevich Kudai Kul/Peter in the Context of Relations between Muscovy and Kazan' // *States, Societies, Cultures: East and West: Essays in Honor of Jaroslav Pelenski* / Ed. Janusz Duzinkiewicz and others. New York: Ross Publishing LLC, 2004. P. 697–719.

Parani, Maria G. Reconstructing the Reality of Images: Byzantine Material Culture and Religious Iconography, 11th–15th Centuries. Leiden, Boston: Brill, 2003. XXXVIII, 417 p. 244 p. of plates.

Roxburgh, David (ed.). *Turks. A Journey of a Thousand Years*. London: Royal Academy of Arts, 2005. Nos. 264–266. 494 p.

Ruby, Scott Douglas. The Kremlin Workshops of the Tsars and Foreign Craftsmen: c.1500–1711. PhD Dissertation. Courtauld Institute of Art. London, 2008. 367 p.

Sharpe, Kevin. Selling the Tudor Monarchy. Authority and Image in Sixteenth-Century England. New Haven, London: Yale University Press, 2009. XXIX, 588 p.

Warncke, Middeldorp, Karsten // Thieme, Ulrich und Becker, Felix. Hrsg. *Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart*. Bd. 24. Leipzig: E. A. Seemann, 1930. P. 535.

Information about the article

Author: Bogatyrev, Sergei, Ph. D. in History, United Kingdom, Senior Lecturer, University College London, s.bogatyrev@ssees.ucl.ac.uk

Title: The Cap of Monomakh and the Helmet of an Heir. The Representation of Power and Dynastic Policy under Vasilii III and Ivan the Terrible

Abstract: This article re-examines the history of the most famous symbol of the Russian monarchy, the Cap of Monomakh, which is usually dated to the 14th century. For the first time in the historiography, the author studies the Cap in conjunction with the helmets commissioned by the princes of Moscow for their heirs, including the helmet of Ivan the Terrible (now kept in Stockholm) and the helmet of Ivan the Terrible's heir Ivan Ivanovich from the Kremlin museums. The paper argues that the Cap and the helmets constituted a single set of dynastic headgear which accentuated the main priorities of the dynastic policy of Muscovite rulers: the continuity and succession of power. The reign of Vasilii III (1505–1533) was the formative period in the history of the ceremonial headgear. As a result of a dynastic crisis accompanying his ascension to the throne and the long lack of an heir in his family, Vasilii III (or his ideologists) embarked on a policy of recreating ancient non-extant headgear of his predecessors and imbuing it with new cultural meanings, like forged connections with Byzantium and Kiev. On the basis of a critical re-examination of written and visual sources about the treasury of the princes of Moscow, including royal wills, a little-known Western image of the Cap of Monomakh, and Timurid dynastic iconography, the author argues that the Cap was part of this “restoration policy” of Vasilii III. The Cap was created between 1505 and 1526 from parts of a dynastic helmet that originally belonged to Dmitrii Donskoi. The dynastic headgear of the princes of Moscow capitalised on the Mongol and Turkic traditions of representing supreme power. The reign of Ivan the Terrible (1533–1584) saw the introduction of new themes of Orthodoxy and piety into the ideological programme of the ceremonial headgear.

Key words: Dynasty, regalia, Vasilii III, Ivan the Terrible.

References (Transliteration)

Alekseev, Aleksei Ivanovich. «Spiridon rekomyj, Savva glagolemyj». *Zametki o sochinenijah kievskogo mitropolita Spiridona // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. 2010. № 3 (41). S. 5–16.

Anting, Leida. Tallinskie oruzhejniki i ognestrel'noe oruzhie XIV–XVI vekov. Tallinn: Eesti raamat, 1967. 47 c.

Bazilevich, Konstantin Vasil'evich. Imushchestvo moskovskih knjazej v XIV–XVI vv. // *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja*. Moskva: M. i S. Sabashnikovy, 1926. Vyp. 3. S. 3–51.

Beseler, Hartwig. Kunst-Topographie Schleswig-Holstein. Neumünster: Wachholtz, 1969. XI, 964, 44 S.

Bobrinskij, Aleksei Aleksandrovich. Shlem Ivana Groznogo // *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva*. Sankt-Peterburg, 1898. T. X. Vyp. 1–2. Novaja serija. S. 316–325.

Bobrovnickaja, Irina Akimovna. Regalii rossijskikh gosudarej. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik “Moskovskij Kreml'”», Maksim Svetlanov, 2004. 40 s.

Bobrovnickaja, Irina Akimovna. Shapka Monomaha: K probleme proishozhdenija formy // *Filimonovskie chtenija / Otv. red. Levykin, Aleksei Konstantinovich*. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik “Moskovskij Kreml'”», Kvinta-Plus, 2004. Vyp. 1. S. 59–85.

Bocharov, Genrih Nikolaevich. Sdelano v Moskve // Rodina: Rossijskij istoričeskij zhurnal. 1992. № 8/9. S. 125–128.

Bogatyrev, Sergei. Bronze Tsars: Ivan the Terrible and Fedor Ivanovich in the Décor of Early Modern Guns // The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. No. 1–2. P. 48–72.

Bogatyrev, Sergei. Ivan IV, 1533–1584 // The Cambridge History of Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 1. From Early Rus' to 1689 / Ed. by Maureen Perrie. P. 240–263.

Bogatyrev, Sergei. Ivan the Terrible Discovers the West. The Cultural Transformation of Autocracy during the Early Northern Wars // Russian History / Histoire Russe. 2007. Vol. 34. No. 1–4. P. 161–188.

Bogatyrev, Sergei. Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // The Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85. No. 2. P. 271–293.

Bogatyrev, Sergej Nikolaevich. Carskaja vlast' v 1550-e gg. Preemstvennost' ili novacii? // Repräsentacija vlasti v posol'skom ceremoniale i diplomatičeskij dialog v XV – pervoj treti XVIII v. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Otv. red. Vorotnikova, Irina Anatol'evna i dr. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'»», 2006. S. 17–20;

Bogatyrev, Sergej Nikolaevich. Lestnica v nebo. Simvolika vlasti Ivana Groznogo // Rodina: Rossijskij istoričeskij zhurnal. 2004. № 12. S. 9–12

Bogdanov, Andrej Petrovich. Chiny venčhanija rossijskih carej // Kul'tura Moskvy XIV–XVII vv. / Otv. red. Rybakov, Boris Aleksandrovich. Moskva: Nauka, 1995. S. 211–224.

Brandenburg, Nikolaj Efimovich. Istoričeskij katalog S.-Peterburgskogo Artilerijskogo muzeja. Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk. 1889. Ch. III. Prilozhenie. XXIV, 532 s.

Bychkova, Margarita Evgen'evna. Moskovskie samodržcy. Istorija vozvedenija na prestol. Obrjady i regalii. Moskva: Sovet po izučeniju i ohrane prirodnogo i kul'turnogo nasledija Rossijskoj Akademii nauk, Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'», 1995. 72 s.

Canby, Sheila. Shah 'Abbas. The Remaking of Iran. London: British Museum, 2009. 274 p.

Cormack, Robin, Vassilaki, Maria (ed.) Byzantium, 330–1453. London: Royal Academy of Arts, 2008. 494 p.

Dmitrieva, Rufina Petrovna. Skazanie o knjaz'jah Vladimirskih. Moskva, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1955. 213 s.

Evsjeva, Lilija Mihajlovna. Shitaja pelena 1498 g. i chin venčhanija na carstvo // Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantija i Rus'. K 100-letiju Andreja Nikolaeviča Grabarja, 1896–1990 / Otv. red. Smirnova, Engelina Sergeevna. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 1999. S. 430–439.

Filimonov, Georgij (Jurij) Dmitrievič. O vremeni i proishozhdenii Monomahovoj shapki // Čtenija v Imperatorskom obščestve istorii i drevnostej rossijskih / Otv. red. Barsov, Elpidifor Vasil'evič. Moskva: Universitetskaja tipografija, 1898. Kn. 2. S. 61–62.

Filjuškin, Aleksandr Il'ič. Vasilij III. Moskva: Molodaja gvardija, 2010. 346 s.

Gol'dberg, Aleksandr L'vovič. K istorii rasskaza o potomkah Avgusta i o darah Monomaha // TODRL. Leningrad, 1976. T. 30. S. 204–216.

Gorelik, Mihail Viktorovič. Rannij mongol'skij dospheh (IX – pervaja polovina XIV v.) // Arheologija, etnografija i antropologija Mongolii / Otv. red. Derevjanko, Anatolij Panteleevič, Nacagdorz, Šagdarzhavn. Novosibirsk, 1987. S. 163–208.

Gray, Basil. An Unknown Fragment of the “Jāmi' al-tawārikh” in the Asiatic Society of Bengal // Ars Orientalis. 1954. Vol. 1. P. 65–75.

Grundberg, Malin. Ceremoniernas makt: Maktöverföring och genus i Vasatidens kungliga ceremonier. Lund: Nordic Academic Press, 2005. 334 s.

Jakobson, Anatolij Leopoldovič. Hudožestvennye svjazi Moskovskoj Rusi s Zakavkaz'em i Blizhnim Vostokom v XVI v. // Drevnosti Moskovskogo Kremlja: Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. Materialy i issledovanija po arheologii Moskvy / Red. Voronin, Nikolaj Nikolaevič, Rabinovič, Mihail Grigor'evič. Moskva: Nauka, 1971. T. IV. № 167. S. 238–242.

Janin, Valentin Lavrent'evič (red.). Velikij Novgorod. Istorija i kul'tura IX–XVII vekov. Enciklopedičeskij slovar'. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2007. 552 s.

Kondakov, Nikodim Pavlovich, Tolstoj, Ivan Ivanovich. Russkie drevnosti v pamjatnikah iskusstva. Sankt-Peterburg: Tipografija A. Benke, 1897. Vyp. 5. 167 s.

Kramarovskij, Mark Grigor'evich. «Shapka Monomaha»: Vizantija ili Vostok? // Soobshchenija Gosudarstvennogo ordena Lenina Jermitazha. Leningrad: Iskusstvo, 1982. T. 47. S. 66–70.

Kramarovskij, Mark Grigor'evich. Dzhuchidy: voinskie shapki i bokka // Jermitazhnye chtenija pamjati B. B. Piotrovskogo (14.II.1908–15.X.1990). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2001. S. 33–38.

Krylov, Valerij Mihajlovich i dr. (red.). Voенно-istoricheskij muzej artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svjazi. Istorija i kollekcija. Sankt-Peterburg: Izdatel'sko-poligraficheskij centr Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tehnologii i dizajna, 2004. 256 s.

Kuchkin, Vladimir Andreevich. Duhovnye gramoty moskovskogo velikogo knjazja Ivana Ivanovicha Krasnogo // Srednevekovaja Rus' / Otv. red. Gorskij, Anton Anatol'evich. Moskva: Indrik, 2004. Vyp. 5. S. 191–280.

Kuchkin, Vladimir Andreevich. Pervaja duhovnaja gramota Dmitria Ivanovicha Donskogo // Srednevekovaja Rus' / Otv. red. Gorskij, Anton Anatol'evich. Moskva: Editorial URSS, 1999. Vyp. 2. S. 46–78.

László, Péter. The Holy Crown of Hungary, Visible and Invisible // The Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. No. 3. P. 421–510.

Lavrent'ev, Aleksandr Vladimirovich. Carevich-car'-cesar'. Lzhedmitrij I, ego gosudarstvennye pechati, nagradnye znaki i medali, 1604–1606. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2001. 240 s.

Lavrent'ev, Aleksandr Vladimirovich. Kazanskaja shapka i kazanskie cari // Anfologion. Vlast', obstchestvo, kul'tura v slavjanskom mire v Srednie veka: K 70-letiu Borisa Nikolaevicha Flori / Otv. red. Litavrin, Gennadij Grigor'evich (Slavjane i ih sosedi. Vyp. 12). Moskva: Indrik, 2008. S. 99–117.

Lentz, Thomas; Lowry, Glenn. Timur and the Princely Vision: Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Washington, D.C.: Arthur M. Sackler Gallery; Los Angeles: Los Angeles County Museum of Art, 1989. 396 p.

Lentz, Thomas. Dynastic Imagery in Early Timurid Wall Painting // Muqarnas. Essays in Honor of Oleg Grabar. 1993. Vol. 10. P. 253–265

Manz, Beatrice Forbes. Tamerlane and the Symbolism of Sovereignty // Iranian Studies. 1988. Vol. 21. No. 1/2. P. 105–122.

Martin, Janet. Medieval Russia, 980–1584. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. XXVI, 450 p.

Musin, Aleksandr Evgen'evich. Milites Christi Drevnej Rusi. Voinskaja kul'tura russkogo srednevekov'ja v kontekste religioznogo mentaliteta. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2005. 368 s.

Nemirovskij, Evgenij L'vovich. Andrej Chohov. Moskva: Nauka, 1982. 107 s.

Orlenko, Sergej Pavlovich (sost.). Rossija — Britanija: K 450-letiju ustanovlenija diplomatičeskikh otnošenij. Moskva: Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'», Maksim Svetlanov, 2003. 270 s.

Ostrowski, Donald. Muscovy and the Mongols. Cross-Cultural Contacts on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. XVI, 329 p.

Ostrowski, Donald. The Extraordinary Career of Tsarevich Kudai Kul/Peter in the Context of Relations between Muscovy and Kazan' // States, Societies, Cultures: East and West: Essays in Honor of Jaroslav Pelenski / Ed. Janusz Duzinkiewicz and others. New York: Ross Publishing LLC, 2004. P. 697–719.

Parani, Maria. Reconstructing the Reality of Images: Byzantine Material Culture and Religious Iconography, 11th–15th Centuries. Leiden, Boston: Brill, 2003. XXXVIII. 417 P. 244 p. of plates.

Rabinovich, Mihail Grigor'evich. Zolotoe ukrashenie iz Tushkova gorodka // Kratkije soobshchenija o dokladah i polevyh issledovanijah Instituta istorii material'noj kul'tury. Moskva, 1957. Vyp. 68. S. 45–50.

Roxburgh, David (ed.). Turks. A Journey of a Thousand Years. London: Royal Academy of Arts, 2005. Nos. 264–266. 494 p.

Ruby, Scott Douglas. The Kremlin Workshops of the Tsars and Foreign Craftsmen: c.1500–1711. PhD Dissertation. Courtauld Institute of Art. London, 2008. 367 p.

Sharpe, Kevin. Selling the Tudor Monarchy. Authority and Image in Sixteenth-Century England. New Haven, London: Yale University Press, 2009. XXIX, 588 p.

Sinicyna, Nina Vasil'evna. Tretij Rim. Istoki i evolucija ruskoj srednevekovoj koncepcii, XV–XVI vv. Moskva: Indrik, 1998. 416 s.

Sokolova, Irina Mihajlovna. Monomahov tron. Carskoe mesto Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlja. K 450-letiju pamjatnika. Moskva: Indrik, 2001. 80 s.

Sokolova, Irina Mihajlovna. Russkaja derevjannaja skul'ptura XV–XVIII vekov. Katalog. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie «Gosudarstvennyj istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik "Moskovskij Kreml'"», 2003. 319 s.

Spicyn, Aleksandr Andreevich. K voprosu o Monomahovoj shapke // Zapiski Otdelenija ruskoj i slavjanskoj arheologii Imperatorskogo russkogo arheologičeskogo obščestva / Red. Platonov, Sergej Fedorovich, Sankt-Peterburg: Tipografija I. N. Skorohodova, 1906. T. 8. Vyp. 1. S. 146–184.

Sreznevskij, Izmail Ivanovich. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam. Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1912. T. 3. 272 kol., 13 s.

Tumanovskij, Viktor Evgen'evich (red.). Gosudareva Oruzhejnaja palata. Sankt-Peterburg: Atlant, 2002. 408 s.

Ul'janovskij, Vasilij Irinarhovich. Pervaja koncepcija proishozhdenija knjazheskoj vlasti i ee simbolov na Rusi: «Poslanie o Monomahovom vence» Spiridona-Savvy // «V kratkikh slovesah mnogoj razum zamykajushchee...» Sbornik nauchnyh trudov v chest' 75-letija prof. Ruslana Grigor'eviča Skrynnikova / Otv. red. Dvornichenko, Andrej Jur'evich. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. (Trudy kafedry istorii Rossii s drevnejših vremen do XX v. T. II). S. 65–105.

Uspenskij, Boris Andreevich. Car' i patriarh. Harizma vlasti v Rossii. Vizantijskaja model' i ee russkoe pereosmyslenie. Moskva: Jazyki ruskoj kul'tury, 1998. 680 s.

Valeeva-Sulejmanova, Guzel' Fuadovna. Korony russkih carej – pamjatnik tatarskoj kul'tury // Kazan', Moskva, Sankt-Peterburg: Rossijskaja imperija vzgljadam iz raznyh uglov / Otv. red. Gasparov, Boris Mihajlovich i dr. Moskva: O.G.I., 1997. S. 40–51.

Vladimirskaja, Nonna Sergeevna (red.). Orel i lev. Rossija i Shvecija v XVII veke. Katalog vystavki. Gosudarstvennyj istoričeskij muzej, 4.04–1.07.2001. Moskva: Gosudarstvennyj istoričeskij muzej i dr., 2001. 158 s.

Shchapov, Jaroslav Nikolaevich. K izucheniju «China venčhanija na carstvo Ivana IV» // Rimsko-konstantinopol'skoe nasledie na Rusi. Ideja vlasti i političeskaja praktika / Otv. red. Saharov, Andrej Nikolaevich i dr. Moskva: Institut rossijskoj istorii Rossijskoj Akademii nauk, 1995. S. 213–225.

Warncke. Middeldorp, Karsten // Thieme, Ulrich und Becker, Felix (Hrsg.). Allgemeines Lexikon der Bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart. Bd. 24. Leipzig: E. A. Seemann, 1930. P. 535.

Zajcev, Il'ja Vladimirovič. Mezhdu Moskoj i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaja imperija, nachalo XV – pervaja polovina XVI vv. Moskva: Rudomino, 2004. 215 s.

Zhilina, Natal'ja Viktorovna. Shapka Monomaha. Istoriko-kul'turnoe i tehnologičeskoe issledovanie. Moskva: Nauka, 2001. 247 s.

Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. Ivan Groznyj i Simeon Bekbulatovič v 1575 g. // Učenyje zapiski Kazanskogo gos. pedagogičeskogo instituta. 1970. Vyp. 80: Iz istorii Tatarii. T. 4. S. 141–163.

Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. Rossija na rubezhe XV–XVI stoletij. Moskva: Mysl', 1982. 331 s.